

АЛЕКСАНДР
ТЕРЕНТЬЕВ

ЭПОХА ОБАМЫ

НАШИ ИНТЕРЕСЫ В БЕЛОМ ДОМЕ

Власть в тротиловом эквиваленте

Александр Терентьев

**Эпоха Обамы. Наши
интересы в Белом доме**

«Алисторус»

2012

Терентьев А. А.

Эпоха Обамы. Наши интересы в Белом доме / А. А. Терентьев — «Алисторус», 2012 — (Власть в тротиловом эквиваленте)

Представленная вашему вниманию книга посвящена деятельности президента США Б. Обамы. Экономический кризис, события на Ближнем Востоке, усиление роли Китая – все это разбирается в контексте политики Обамы; особое внимание уделяется непростым отношениям Соединенных Штатов и России в годы нахождения Обамы у власти. Книга написана на основе материалов американских исследователей и СМИ, а также личных интервью автора с видными политиками США и мира.

© Терентьев А. А., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Часть I	7
В СВЕТЕ ОСЛЕПЛЯЮЩИХ ОГНЕЙ	7
БОРЬБА С КЛАНОМ КЛИНТОНОВ	10
ВЬЕТНАМСКИЙ ВЕТЕРАН ПРОТИВ ГАРВАРДСКОГО	12
ИНТЕЛЛЕКТУАЛА	
ДВОЕ НА ДВОЕ	17
«ЕДИНАЯ АМЕРИКА»?	21
БОРЬБА С ВЕТРЯНЫМИ МЕЛЬНИЦАМИ	26
ПЕРВЫЕ ШАГИ: ЭПОХА КОМПРОМИССА	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Александрович Терентьев

Эпоха Обамы. Наши интересы в Белом доме

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Этот парень мог бы подавать нам кофе»¹, – так в начале 2008 года охарактеризовал Барака Обаму бывший президент США Билл Клинтон. В телефонном разговоре с сенатором Тедом Кеннеди он с гневом обрушился на темнокожего политика, который «появился ниоткуда» и лишает его супругу полагающегося ей по праву президентского кресла. В Америке, действительно, никто не ожидал, что молодой сенатор от Иллинойса сможет сделать столь головокружительную карьеру, только в 2004 году получив место в Конгрессе, а уже в 2008-м заняв Овальный кабинет Белого дома. Обама оказался блестящим шоуменом, сумевшим превратить американскую предвыборную кампанию в яркий спектакль, за которым с восторгом следили миллионы людей по всему свету.

Придя к власти в эпоху кризиса, Обама попытался обратиться к опыту своих предшественников, управлявших Соединенными Штатами в непростые времена. Прежде всего, речь идет об Аврааме Линкольне, который был президентом в эпоху Гражданской войны, и Франклин Рузвельте, находившемся у власти во время Великой депрессии. По их примеру он создал команду соперников, включив в администрацию чиновников, придерживающихся диаметрально противоположных взглядов от республиканца Роберта Гейтса, который остался во главе Пентагона, до левого либерала Стивена Чу, назначенного министром энергетики. Однако, в действительности, политика Обамы формировалась узким кругом людей, которые сами именовали себя «рыцарями круглого стола» по аналогии с командой советников Джона Кеннеди.

Под их давлением Обама провел через Конгресс леволиберальные реформы, в первую очередь, конечно, реформу системы здравоохранения, которая навсегда теперь будет ассоциироваться с его именем. В консервативной Америке закон, вводящий обязательную медицинскую страховку для всех граждан, был воспринят как «социалистический», и по стране прокатилась волна выступлений против «большого правительства». Возникло так называемое «Движение чаепития», участники которого уверяли, что отстаивают американскую свободу словно первые колонисты в эпоху бостонского чаепития и призывали выкинуть из Белого дома «темнокожего Че Гевару».

Конечно, Обама мог повторить судьбу Билла Клинтона, который в 1996 году отказался от леволиберальных лозунгов, сдвинулся в сторону политического центра и легко избрался на второй срок. Однако президент решил идти ва-банк, заявив, что предпочитает пробыть на своем посту один срок, но быть «хорошим президентом», нежели просидеть два, но быть «президентом посредственным». Излюбленной метафорой американских политологов стало сравнение Обамы, отказывающегося отойти от выбранного курса, с героинями фильма «Тельма и Луиза», которые, спасаясь от полиции и не желая провести остаток жизни в тюрьме, на полном ходу слетают в пропасть.

В эпоху экономического кризиса, который многие сравнивали с Великой депрессией 30-х годов, идеей фикс для президента стало «сохранение среднего класса». Ради этой цели Обама

¹ John Heilemann, Mark Halperin Game Change: Obama and the Clintons, McCain and Palin, and the Race of a Lifetime. NY, 2010.

готов был даже бросить вызов финансистам с Уоллстрит, которых он вслед за леволиберальными комментаторами окрестил «жирными котами». Он начал добиваться увеличения налогов для состоятельных граждан. И хотя налоговую реформу в Конгрессе прокатили, назвав ее «дорогой к классовой войне», Обама сумел резко поднять свой рейтинг: ведь образ американского Робин Гуда, был востребован в стране как никогда (не случайно в 2011 году в США зародилось еще одно протестное движение, получившее название «Оккупируй Уоллстрит»). Тем не менее многие политологи сравнивали Обаму с Гербертом Гувером, президентом, который делал все возможное, чтобы вывести страну из кризиса, но в итоге был объявлен виновником Великой депрессии.

Бывший гарвардский профессор права во внешней политике, Обама попытался осуществить прагматичную революцию. Он надеялся «достучаться до правящей элиты в тех странах, которые традиционно считались геополитическими соперниками США и выстроить новые альянсы. Как отмечал лондонский политолог Анатолий Ливен, «по примеру Британии, которая в 1890-е годы начала отказываться от своих обязательств, заключая сделки с другими государствами и перекладывая на них ответственность за решение региональных проблем, США сейчас также пересматривают свою внешнеполитическую стратегию»². В этом смысле очень показательным эпизодом стала ливийская кампания, когда Обама решил занять место на скамейке запасных, выдвинув на передний план европейские державы. Объявив перезагрузку в отношениях с Россией, демократическая администрация, фактически, похоронила планы расширения НАТО. Кроме того, несмотря на флирт с радикальными суннитами, которые правили бал на Ближнем Востоке после так называемой «арабской весны» Америка начала сдавать позиции в регионе. Провалился и проект «большой двойки» – эксклюзивного альянса США и Китая. В американском истеблишменте Обаму называли безвольным тьюфом, проводящим политику умиротворения. А в странах, с которыми темнокожий президент пытался наладить диалог, его инициативы не воспринимали всерьез. Как отмечал в 2009 году советник экс-президента Буша-младшего Карл Роув, «Америку сегодня возглавляет суперзвезда, а не государственный муж. Это может принести мимолетное восхищение зарубежных аудиторий, но вряд ли способствует продвижению долгосрочных интересов США»³. В общем, лидер, который обещал американцам радикальные перемены, вынужден был, в итоге, просто плыть по течению. Ему катастрофически не везло, и журналисты с иронией называли его «счастливчиком». И какие бы разумные рецепты ни предлагал Обама во внутренней и внешней политике, с каждым годом он все больше напоминал «рыцаря печального образа» Дон Кихота, борющегося с ветряными мельницами.

² Интервью автора с профессором лондонского Королевского колледжа Анатолем Ливенем. 2012. Май. 30.

³ The Wall Street Journal. 2009. March. 18.

Часть I ПРЕЗИДЕНТ-РЕФОРМАТОР

В СВЕТЕ ОСЛЕПЛЯЮЩИХ ОГНЕЙ

Он появлялся на сцене под звуки песни U2 «В городе ослепляющих огней». Он собирал гигантские стадионы. За несколько месяцев он стал кумиром миллионов, проведя, наверное, самую яркую предвыборную кампанию в мировой истории. Блестящий оратор, профессор права, один из самых молодых законодателей на Капитолийском холме, Барак Обама уже в 2004 году был назван восходящей звездой Демократической партии. И, несмотря на то, что некоторые обозреватели считали его неопытным политиком, может быть, именно образ человека нового, не замешанного в политических интригах, позволил ему одержать победу в президентской гонке 2008 года. По мнению биографа Обамы Дэвида Менделя, «в 2008 году сенатор от Иллинойса находился на гребне политической волны, и его советники постоянно ссылались на опыт молодого Джона Кеннеди, который не стал дожидаться следующих выборов, понимая, что со временем он может утратить энергию, а вместе с ней и поддержку избирателей»⁴.

В период первой предвыборной кампании Обаму часто сравнивали с Кеннеди: оба – выпускники Гарварда, сторонники левых взглядов, готовые провозгласить новую эру в американской политике и реформировать Демократическую партию. Кеннеди – первый католик, избранный президентом США, Обама – первый афроамериканец, претендующий на этот пост. Политтехнологи, работавшие на темнокожего сенатора, пытались убедить американское общество в том, что аналогия с Кеннеди неслучайна. Более того, среди активных сторонников Обамы оказался бывший спичрайтер Кеннеди Теодор Соренсон. «У Кеннеди и Обамы много общего, – заявлял он. – Как и Кеннеди, Обама обладает фантастической улыбкой, улыбкой победителя. Как и Кеннеди, он может завладеть вниманием аудитории, не боится выступать по телевидению, не кричит в микрофон, а спокойно разговаривает с избирателями. Победа Обамы будет означать не только смену игроков в Белом доме, но и серьезные изменения в правилах политической игры. И если Клинтон заинтересованы в сохранении status quo, Обама откроет для Америки «новые границы»⁵.

Для того чтобы за Обамой окончательно закрепилось звание наследника Камелота, ему не хватало лишь признания семьи Кеннеди, по-прежнему обладающей огромным влиянием в Демократической партии. И вот 27 января 2008 года в газете New York Times появилась статья дочери Джона Кеннеди, Кэролайн, в которой она провозгласила Обаму преемником своего отца. А через два дня его кандидатуру поддержал и глава семейства Кеннеди, младший брат легендарного президента, Эдвард. Стоит отметить, что долгое время он отказывался выступать в поддержку того или иного кандидата, и, несмотря на все старания Хиллари Клинтон, с которой его связывали дружеские отношения, не согласился дать ей свое благословение. Однако Обама показался Эдварду Кеннеди достойным кандидатом. «Барак будет президентом, отвергающим стереотипы, – заявил он, – лидером, который смотрит на мир без цинизма и не демонизирует своих соперников»⁶.

Действительно, в отличие от других кандидатов от Демократической партии, Обама призывал к сотрудничеству с республиканцами. «Мы должны разделить ответственность за судьбу

⁴ David Mendell, Obama: From Promise to Power. NY. 2008.

⁵ Theodore Sorensen, Barack Obama: the new JFK. // Guardian. 2007. July. 25.

⁶ Edward Kennedy, Obama Endorsement Speech. 2008. January. 28 // <http://tedkenedy.org>

страны, – заявлял он. – Именно это позволит нам почувствовать себя единым народом»⁷. Таким образом, Обама давал понять, что рассчитывает на роль общенационального лидера. Не случайно его называли Рейганом левых. В 80-м году Рональду Рейгану удалось привлечь на свою сторону избирателей, разочарованных политикой демократа Джимми Картера. Обама же, по мнению экспертов, мог рассчитывать на голоса республиканцев, выступающих против той версии консерватизма, которую предлагала администрация Буша. Они чувствовали себя неудобно в партии, которой управляют южане, проповедующие антииммигрантскую политику, и в пик у них готовы были поддержать традиционных соперников. Конечно, за Клинтон никто из них голосовать не собирался: ведь у них еще слишком свежи были воспоминания о политике ее мужа. Обама, напротив, представлялся идеальным кандидатом для разочарованных республиканцев. Ведь он признавал ошибки Демократической партии, которая, по его словам, превратилась в «партию преувеличенных реакций».

«Возражая против войны в Ираке, – писал Обама в своей книге «Смелость надежды», – мы с подозрением относимся к любым военным действиям. Не разделяя мнение о том, что рынок является единственным решением любых экономических проблем, мы начинаем мешать применению рыночных принципов там, где это необходимо. Сопrotивляясь усилению церкви, мы приравнивали терпимость к полному исключению религии из жизни общества»⁸. И хотя Обама воспринимался как сторонник левых взглядов и наследник Джона Кеннеди, он не разделял концепцию «государства всеобщего благосостояния». Сенатор критиковал тех американцев, которые считают, что получение определенного дохода является их неотъемлемым правом. Напротив, – говорил он, – «чрезмерные социальные льготы и есть нарушение гражданских прав». Такая позиция Обамы повышала его шансы в предвыборной схватке с республиканским кандидатом. Эксперты утверждали, что именно ему отдадут голоса независимые избиратели, а это огромная часть населения США (только в Калифорнии и Нью-Мексико их более 6 млн.). И потому Обаме, в том случае, разумеется, если ему удастся стать кандидатом от Демократической партии, сторонники предсказывали не скромную победу, которой в последние годы довольствовались все претенденты, а общенациональный триумф.

Однако республиканские идеологи отмечали, что темнокожий сенатор может повторить судьбу всех левых кумиров Америки. «Демократы не понимают традиционной американской концепции лидерства, которая предполагает лишь исполнение своих обязанностей на государственном посту, – писал редактор *The American Thinker* Джон Дадд. – Они пытаются навязать нам образ харизматика-полубога, который отражает дух времени и воплощает надежды нового поколения»⁹. Профессор Майкл Фонтрой отмечал, что «впечатляющая популярность Обамы объясняется тем, что ему удалось собрать вокруг себя коалицию, которая включает молодежь, избирателей старшего возраста, разочаровавшихся в старой гвардии демократов, и, наконец, афроамериканцев»¹⁰.

К 2008 году сенатор от Иллинойса был уже чрезвычайно популярен в светском обществе. Еще задолго до начала предвыборной кампании он начал сниматься для модных журналов, посещать светские мероприятия и стал настоящим кумиром голливудской богемы. Актриса Холли Берри утверждала, что готова «убирать мусор, чтобы дорога, по которой он идет, была чистой»¹¹. Спонсором и поклонником Обамы являлся и известный кинопродюсер Дэвид Гэффен. «Обама – новый харизматичный лидер, – заявил он. – Америка устала от Клинтонов, ей

⁷ Barack Obama, Speech at National Democratic National Convention in Boston, Mass. 2004. July. 27

⁸ Barack Obama. *The Audacity of Hope*. NY. 2006.

⁹ *The American Thinker*. 2008. February. 12.

¹⁰ *The Chicago Tribune*. 2008. March. 11.

¹¹ *Obamamania verges on obsession*. 2008. February. 20. // <http://www.politico.com/>

требуются не компромиссы, а идеалы»¹². Кроме того, со времен Кеннеди темнокожий выпускник Гарварда стал первым фаворитом президентской гонки, которого поддержала интеллектуальная элита США.

¹² The New York Times. 2007. February. 21.

БОРЬБА С КЛАНОМ КЛИНТОНОВ

Вначале Обаме предстояло одержать победу на демократических праймериз, где его главным соперником стала сенатор от штата Нью-Йорк бывшая первая леди Хиллари Клинтон. Их схватку многие воспринимали как столкновение старых и новых демократов. «Готова ли Америка к третьему президентскому сроку Клинтона? – вопрошал бывший лидер республиканцев Роберт Дол. – Многие, наверное, забыли два предыдущих срока и после иракского конфликта смотрят на бывшего президента сквозь розовые очки». В своем отношении к Клинтон Дол был далеко не одинок. В американском обществе она воспринималась неоднозначно. По некоторым данным, каждый третий американец заявлял, что не будет голосовать за Клинтон ни при каких обстоятельствах. Как отмечал сенатор-демократ Джон Эдвардс, который выбыл из президентской гонки в самом ее начале, «Клинтоны представляют интересы коррумпированной верхушки Демократической партии, вашингтонской элиты, которая заинтересована в сохранении status quo».

Конечно, Хиллари пользовалась поддержкой партийных функционеров на местах, получивших свои посты во время правления ее супруга. Однако политические амбиции Клинтонов вызвали раздражение у нового поколения демократов, и у тех представителей старой гвардии, которые изначально не были расположены к «президенту-плейбою». Для многих из них он так и остался выскочкой и дилетантом, легковесным политиком, который выигрывал выборы благодаря популистским лозунгам и природному обаянию. Союз Обамы с политической династией Кеннеди символизировал общее для новых и старых демократов критическое отношение к эпохе Билла Клинтона. И многие из них планировали поддержать умеренного республиканца, если кандидатом от «партии ослов» станет бывшая первая леди.

В так называемый супервторник 5 февраля 2008 года, когда голосовали сразу 24 штата, Обама одержал победу на Среднем Западе, в штатах, находящихся на территории Великой равнины, и в большинстве южных штатов, Клинтон получила большинство голосов на северо-востоке. Несмотря на поддержку голливудских звезд и музыкантов, которые снимались в его предвыборном ролике под названием «Да, мы можем», Обаме не удалось одержать победу в Калифорнии. За него проголосовала большая часть белых жителей этого штата, однако Клинтон выиграла за счет поддержки избирателей латиноамериканского и азиатского происхождения. Хиллари удалось одержать победу и в Массачусетсе, где оба сенатора-демократа, Джон Керри и Эдвард Кеннеди, выступили в поддержку Обамы.

Любопытно, что впервые о президентских амбициях Обама объявил в законодательном собрании Иллинойса, где когда-то Авраам Линкольн произнес свою знаменитую речь, обещающую рабство. И хотя темнокожий сенатор подчеркивал, что выступает против того, чтобы этнические меньшинства имели преимущества перед белыми, уже на демократических праймериз стало очевидно, что афроамериканцы сплотились вокруг «своего» кандидата. В супервторник 82 % из них отдали свои голоса Обаме, и только 17 % поддержали Хиллари.

Вполне естественно, что Клинтоны пытались привлечь на свою сторону латиноамериканских избирателей, надеясь отыграть голоса, полученные Обамой благодаря безоговорочной поддержке чернокожего населения. В супервторник, например, за Хиллари проголосовали 63 % испаноязычного населения, и лишь 34 % отдали свои голоса сенатору от Иллинойса. Традиционно считается, что выходцы из Латинской Америки воспринимают афроамериканцев как главных конкурентов на рынке труда и поэтому враждебно настроены по отношению к чернокожим кандидатам. Однако, как отмечал в 2008 году профессор Вашингтонского университета Мэтт Баррето, этот миф не подтверждается на практике. «Благодаря поддержке латиноамериканских избирателей, – писал он, – четверо афроамериканцев были избраны мэрами, а сам

Обама получил место в Сенате США»¹³. И в этом смысле неудивительно, что на праймериз, которые проходили после супервторника, сенатору от Иллинойса удалось переманить часть латиноамериканцев с помощью своих сторонников из числа конгрессменов, представляющих интересы этой группы.

Результаты праймериз, прошедших в супервторник, продемонстрировали, что за схваткой Обамы и Клинтон стоят концептуальные противоречия между представителями разных поколений демократов. Клинтон поддержали 57 % избирателей старше 60. За Обаму же проголосовали 56 % молодых американцев, не достигших 30 лет. Стоит отметить, что данная возрастная группа составляет довольно большую часть населения США – это поколение получило название «эхо беби-бума».

Четвертого марта, в так называемый второй супервторник, неожиданная победа Хиллари Клинтон на праймериз Демократической партии в Огайо, Техасе и Род-Айленде, казалось, вернула интригу в ее противостояние с Бараком Обамой. Однако уже восьмого марта Обама обыграл бывшую первую леди в Вайоминге, а через два дня добился настоящего триумфа в Миссисипи. В этом штате за него проголосовали 61 % избирателей, тогда как Хиллари набрала лишь 37 % голосов. Вполне естественно, что Обама отказался от предложения штаба Клинтон выйти из игры и довольствоваться постом вице-президента. «Я завоевал в два раза больше штатов, чем Клинтон, я получил больше голосов, – заявил сенатор от Иллинойса. – И я не понимаю, как тот, кто находится на втором месте, может предлагать пост вице-президента тому, кто идет на первом»¹⁴.

Ходили слухи, что демократы намеренно сохраняют интригу на праймериз, чтобы на протяжении всей предвыборной кампании к ним было приковано внимание прессы, а те легкие уколы, которыми обмениваются Обама и Клинтон, не помешают им в дальнейшем работать в одной команде. Как заметил бывший политтехнолог президента Буша Карл Роув, «победа Маккейна на республиканских праймериз привела к тому, что сенатор от Аризоны исчез с первых полос. Пресса утратила к нему интерес, лишив бесплатной рекламы, и полностью сосредоточилась на противостоянии демократов»¹⁵. Однако ведущий консервативной радиопередачи Раш Лимбо, напротив, отмечал, что чем дольше Клинтон не выходит из президентской гонки, тем лучше для республиканцев. «Я хотел бы, чтобы Хиллари подольше оставалась в этой мыльной опере, – заявил он. – Пускай уж лучше она отыскивает компромат на сенатора Обаму»¹⁶.

Многие политологи отмечали, что в схватке с республиканским кандидатом Джоном Маккейном у Обамы намного больше шансов, чем у Клинтон. Согласно опросам общественного мнения, если бы выборы проводились в марте, за Клинтон проголосовали бы 50 %, а за Маккейна – 47 % избирателей. В противостоянии с Обамой сенатор от Аризоны получил бы лишь 44 % голосов, тогда как темнокожий кандидат мог бы рассчитывать на 52 %.

Было очевидно, что в случае победы Обамы на предварительных выборах он предстанет в образе харизматического лидера, которому удалось преодолеть сопротивление мощной политической машины. К тому же, большинство американцев считали, что за финальной схваткой Маккейна и Обамы наблюдать будет интереснее, а дебаты между этими кандидатами будут напоминать предвыборную борьбу 1972 года, когда маккартисту и ястребу Ричарду Никсону противостоял либерал и противник войны во Вьетнаме Джордж Макговерн.

¹³ Matt Baretto, The Latino vote is pro-Clinton, not anti-Obama. // Los Angeles Times. 2008. February. 7.

¹⁴ <http://edition.cnn.com/ELECTION/2008/results/president/>

¹⁵ Karl Rove on Campaign Strategy //The Washington Post. 2008. May. 7.

¹⁶ <http://www.rushlimbaugh.com>

ВЬЕТНАМСКИЙ ВЕТЕРАН ПРОТИВ ГАРВАРДСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА

Джон Маккейн к тому моменту уже успел выиграть борьбу на республиканских праймериз. И это несмотря на то, что в своей партии он считался белой вороной. Он призывал «объявить передышку в 16-летнем партийном противостоянии» и такие призывы воспринимались в штаты консервативными обозревателями, представляющими так называемое моральное большинство. В последние дни перед супервторником они объявили настоящий крестовый поход против Маккейна, называя его «вероотступником» и «троянским конем демократов». Журналистка Энн Колтер провозгласила даже, что в случае выдвижения Маккейна она готова агитировать за кандидата от Демократической партии Хиллари Клинтон, чьи взгляды представляются ей консервативнее взглядов сенатора от Аризоны. Консерваторы не могли простить Маккейну, что он обвинял их в религиозной нетерпимости и фанатизме. Кроме того, они не готовы были примириться с тем, что Республиканскую партию будет представлять кандидат, предложивший перевести на легальное положение 12 млн. иммигрантов, человек, который в частных беседах заявлял, что на посту президента будет поддерживать увеличение налогов.

Социал-консерваторы и евангелисты, которые дважды обеспечили победу Джорджа Буша на президентских выборах, по-прежнему оставались самой влиятельной силой в Республиканской партии. На праймериз их поддержкой пытались заручиться сразу два кандидата – экс-губернатор Массачусетса Митт Ромни и экс-губернатор Арканзаса Майк Хакаби. За Ромни агитировало большинство консервативных идеологов, однако многие евангелисты отказались голосовать за него, поскольку он является прихожанином мормонской церкви. «Люди должны понять, что мормонский культ не имеет ничего общего с традиционным христианством и, поддерживая Ромни, они отдают свой голос Сатане»¹⁷, – заявил фундаменталист Билл Келлер.

Часть фундаменталистов выступила в поддержку бывшего баптистского проповедника Майка Хакаби, который одержал победу в пяти штатах «библейского» пояса на юге США: Хакаби полюбился им фразой о том, что «аборты – это холокост». Но многие евангелисты отдали предпочтение Маккейну, привлеченные его лидерскими качествами и богатым политическим опытом. К тому же, большинству республиканцев импонировали внешнеполитические взгляды сенатора от Аризоны. Биограф Маккейна Мэтт Велш утверждал, что его «внешнеполитическая программа самая экспансионистская и милитаристская со времен Тедди Рузвельта»¹⁸. Именно образ ястреба позволил Маккейну привлечь часть консервативных избирателей, недовольных его центристской позицией по внутривнутриполитическим вопросам. Однако одержать победу Маккейну помогли как раз его центристские взгляды, которые обеспечили ему поддержку подавляющего большинства умеренных и либеральных республиканцев. Победе Маккейна, безусловно, способствовал и образ героя вьетнамской войны: за него голосовало большинство пожилых избирателей и ветеранов.

В июне победу на праймериз одержал и Обама. Незадолго до начала кампании известный американец Анатолий Уткин предсказывал, что президентские выборы 2008 года пройдут по традиционной схеме, когда северо-восточные штаты голосуют за демократов, а «провинциальный Юг и Запад встают навтыжку перед «патриотом и героем»¹⁹. Однако пара Маккейн – Обама, по мнению экспертов, должна была внести некоторые изменения в политическую карту Америки. Ведь оба кандидата претендовали на роль общенационального лидера и призывали объявить передышку в партийном противостоянии. Каждый из них рассчитывал на голоса

¹⁷ World Net Weekly. 2007. September. 10.

¹⁸ Matt Welch, McCain: The Myth of a Maverick. NY. 2007.

¹⁹ Интервью автора с А. Уткиным. 21 марта 2008.

независимых избирателей и сторонников другой партии, ведь именно за счет этих голосов им удавалось одолеть своих конкурентов на предварительных выборах. Политологи рассуждали не только о «республиканцах Обамы», но и о «демократах Маккейна». «Великой старой партии, – говорил Митт Ромни, – будет сложно одержать победу, когда между ее кандидатом и кандидатом соперников нет особой разницы»²⁰. «Маккейн идет по натянутому под куполом цирка канату, – вторил ему директор Центра политических исследований при Университете штата Виргиния Ларри Сабато. – Он должен заручиться поддержкой консервативных республиканцев и в то же время найти способ поддерживать интерес к себе со стороны независимых избирателей»²¹. К тому же, Обама не вызывал у республиканцев такой аллергии, как Хиллари Клинтон, и бороться с ним оказалось намного сложнее. Даже главный имиджмейкер Маккейна, Марк Маккиннон, заявил, что будет чувствовать себя неудобно, разворачивая в прессе кампанию против темнокожего сенатора.

Однако борьба получилась острой, что стало для большинства политологов большой неожиданностью. За год-полтора до выборов никто не сомневался, что после двух сроков Буша победа демократам достанется почти автоматически. Объяснялось это как политической цикличностью (удержать Белый дом больше восьми лет одной партии удается редко), так и провальными результатами предыдущего правления. Но Джон Маккейн все же смог потрепать нервы своим соперникам, проведя весьма напористую и агрессивную предвыборную кампанию.

Республиканские обозреватели пытались раздуть миф о радикальных левых взглядах Барака Обамы. Они называли его «типичным демократом из Сан-Франциско», готовым возложить на Соединенные Штаты ответственность за все глобальные проблемы. При этом советники Маккейна отмечали, что всякий раз, когда Демократическая партия выдвигала либерального кандидата, он с треском проигрывал национальные выборы. Одержать победу удавалось лишь центристам из южных штатов, таким, как Джимми Картер и Билл Клинтон. По мысли республиканских идеологов, объясняется это тем, что традиционный электорат демократов голосует за «простого парня» и не доверяет политикам-интеллектуалам вроде Джорджа Маковерна, Майкла Дукакиса или Уолтера Мондейла.

Несмотря на неудачи республиканской администрации в Ираке и Афганистане, советникам Маккейна удалось сделать тему национальной безопасности главным коньком своего кандидата. Маккейн иронизировал по поводу того, как «молодой сенатор от Иллинойса будет справляться с обязанностями главнокомандующего американских войск и лидера свободного мира». И если Клинтон опасалась оттолкнуть от себя либеральных избирателей, обвиняя Обаму в чрезмерной мягкости в вопросах национальной безопасности, то вьетнамский ветеран начал активно разыгрывать эту карту. «Чтобы одержать победу над такими поджигателями войны, как сенатор Маккейн, демократы должны отказаться от политики страха»²², – заявил Обама на дебатах Демократической партии, которые предшествовали праймериз в Южной Каролине. Таким образом он давал понять, что правительство не имеет права обосновывать угрозой терактов любые антилиберальные меры.

Маккейн, который на протяжении двух последних десятилетий занимался вопросами внешней политики, обвинял Обаму в том, что в угоду общественному мнению он готов немедленно вывести войска из Ирака. Сенатор от Аризоны утверждал, что скорее проиграет выборы, чем будет молчаливо наблюдать за тем, как страна проигрывает войну. «Провал в Ираке нельзя

²⁰ The New York Post. 2008. June. 11.

²¹ The Forbes. 2008. July. 28

²² The New York Times. 2008. January. 14.

будет назвать провалом одной администрации или партии, – писал Маккейн в *Foreign Affairs*. – Это американская война, и ее результаты коснутся всех граждан США»²³.

Один из ведущих советников Джимми Картера, Гамильтон Джордан, отмечал, что Обама сможет одолеть Маккейна лишь в том случае, если заранее займется формированием правительства, предложив ключевые должности влиятельным демократам, которые обладают богатым политическим опытом. Многие эксперты считали, что это единственная возможность пресечь нападки республиканцев, утверждающих, что Обама не способен проводить адекватную внешнюю политику. К нему в команду прочили бывшего демократического сенатора Сэма Нанна, который долгое время занимался борьбой с распространением ядерного оружия, и республиканского сенатора и ветерана Чака Хагела, прославившегося своей критикой войны в Ираке.

Как нельзя кстати для Маккейна пришлось события на Кавказе в августе 2008 года. Сенатор от Аризоны уверял избирателей, что военные действия в Грузии подтверждают его тезис об экспансионистских устремлениях Кремля. На первых теледебатах, состоявшихся в сентябре, Маккейн старался разыграть грузинскую карту, обвинив своего оппонента в «политической наивности». «Барак не понимает, что Россия развязала серьезную агрессию против Грузии»²⁴, – заявил тогда республиканский кандидат.

Такой разницы в политическом опыте у кандидатов в президенты не было с тех пор, как на выборах 1940 года Франклину Рузвельту противостоял молодой республиканский кандидат Уэнделл Уилки. С другой стороны, Маккейн годился Обаме в отцы, и это, безусловно, не добавляло очков республиканцу. Указывать на преклонный возраст оппонента считается в Америке неприличным, но в случае Обамы и Маккейна контраст бросался в глаза. Как отмечал либеральный обозреватель Джонатан Альтер, «Обаме 46, а выглядит он на 40; Маккейну 71, а выглядит он ближе к 80»²⁵. Такой разницы в возрасте не было у кандидатов в президенты США еще никогда. Советники Обамы утверждали, что одно это даст ему огромное преимущество среди молодежи, большая часть которой и так без ума от его «политики стадионов». Республиканцы отвечали на это, что в Америке миллионы пожилых избирателей, которые ходят на выборы прилежнее, чем молодежь, и обычно предпочитают своих сверстников.

Конечно, первый в американской истории темнокожий кандидат, который имеет реальные шансы стать президентом, для афроамериканцев стал культовым персонажем, и отдать свой голос другому кандидату означало для них отказаться от собственной идентичности. Уже на демократических праймериз наблюдался рекордный процент явки среди темнокожих избирателей. И ожидалось, что в ноябре афроамериканцы не упустят возможности прийти на выборы и поучаствовать в победе «своего кандидата». Такая активность черной Америки вызывала беспокойство у многих граждан, которых сложно было уличить в расистских настроениях. Но поскольку победы Обамы вызвали ликование в черных кварталах, они не могли уже воспринимать его как общеамериканского кандидата. И хотя сам сенатор от Иллинойса отказывался акцентировать внимание на расовом вопросе, избиратели делали это за него.

Понимая, что черная Америка будет голосовать за Обаму, Маккейн, как и Клинтон, пытался привлечь на свою сторону латиноамериканцев. Ведь у него был богатый опыт взаимоотношений с этими избирателями, которые составляли огромную часть электората в его родном штате Аризона. Он рассчитывал даже, что «латинос» и сплоченные ветеранские организации позволят ему одержать победу в Калифорнии, где республиканцы не выигрывали с 1988 года.

²³ John McCain, *An Enduring Peace Built on Freedom*. // *Foreign Affairs*. November-December. 2007.

²⁴ McCain-Obama debate transcript // *Los Angeles Times*. 2008. September. 26.

²⁵ Johnatan Alter. *Scoping Out Obama vs. McCain* // *Newsweek*. 2008. February. 28.

Кроме того, сторонники Маккейна проводили кампанию среди американских евангелистов, утверждая, что если они не придут на избирательные участки, в Америке грядет царствие Антихриста. «Обама прав, когда говорит, что мир ждет такого, как он, харизматичного и яркого политика, похожего на мессию, – отмечал консервативный проповедник Хал Линдсей. – Библия называет такого лидера Антихристом. И, похоже, мир готов к его пришествию»²⁶. Республиканцы пытались убедить избирателей, что Барак Хусейн Обама не разделяет американские ценности: он учился в мусульманской школе в Индонезии, его духовный наставник пастор Джеремайя Райт проклинал в своих проповедях Соединенные Штаты, а его хороший знакомый Билл Айерс в 1969 году основал радикальную террористическую организацию с левыми взглядами Weather Underground.

Однако какие бы обвинения ни выдвигал Маккейн против Обамы, противопоставить что-то популярности темнокожего сенатора ему было сложно. Республиканский кандидат отставал от своего соперника и в размерах пожертвований на избирательную кампанию. «В своей партии я настоящая белая ворона – республиканец без денег», – шутил Маккейн. Обама, напротив, удавалось собирать внушительные суммы и размещать свою политическую рекламу на национальных телеканалах США.

Что интересно, оба кандидата говорили о необходимости кардинальных перемен в американской политике, утверждая, что нынешняя политическая система устарела. И получалось, что несмотря на некоторые идеологические расхождения, Обама и Маккейн играют на одном поле. Поэтому огромное значение имели их имидж и стилистика предвыборной кампании. Слоган Обамы «перемены, в которые мы верим» позволял создать образ «темнокожего Кеннеди», стремящегося к «новым рубежам». Слоган Маккейна «готов руководить страной с первого дня» заставлял вспомнить о политическом опыте кандидата. Если говорить об аналогиях, то чаще всего Маккейна сравнивали с республиканским президентом Дуайтом Эйзенхауэром. «У них много общего, – писал обозреватель Wall Street Journal Холман Дженкинс, – оба – герои войны, обещающие очистить Вашингтон от коррумпированных политиков. Оба – изгои в своей политической партии, выступающие в роли «отца нации»²⁷.

Однопартийцы воспринимали главных претендентов в борьбе за Белый дом как шоуменов, которые заиклены на собственной популярности, не соблюдают партийную дисциплину и недостаточно работоспособны. Многие республиканцы называли Маккейна «мавериком». В американском политическом лексиконе это слово обозначает индивидуалиста, бунтаря, человека, который не признает общепризнанных правил. «Мысль о том, что Маккейн может стать президентом, ужасает меня. Ведь он – настоящий сумасброд, – говорил сенатор от Миссисипи Тэд Кокрэн, который тридцать лет кряду работал с республиканским кандидатом. Такой образ, безусловно, вызывал интерес у журналистов, которые еще задолго до предвыборной кампании 2008 года сделали Маккейна одним из своих главных фаворитов. Скорее всего, это произошло еще тогда, когда молодой офицер, переживший шесть лет во вьетнамском плену, на костылях отправился в Белый дом на встречу с президентом Никсоном. Обама также был кумиром прессы. Начиная с его программной речи на съезде Демократической партии 2004 года, к нему было постоянно приковано внимание. Когда же он выставил свою кандидатуру в президенты, Америку охватила настоящая обамамания.

Вопреки американским политическим традициям два главных претендента на президентское кресло задолго до завершения карьеры выпустили свои автобиографические эссе. Книга Маккейна «Вера моих отцов», опубликованная в 1999 году, накануне республиканских праймериз, на которых сенатор от Аризоны уступил Джорджу Бушу, практически сразу стала бестселлером. То же самое произошло с лирическим сочинением Обамы «Мечты моего отца»

²⁶ World Net Weekly. 2008. January. 8.

²⁷ Wall Street Journal. 2008. July. 19.

и его книгой «Смелость надежды», которая была удостоена «Грэмми». Забавнее всего, что в этих авторских исповедях была заложена одна и та же идея. Она заключается в том, что любой человек может отказаться от своих эгоистических интересов ради служения общественному благу. Маккейн и Обама в подробностях рассказывали о своих духовных исканиях и личных переживаниях, что абсолютно нехарактерно для представителей американской элиты. По словам экспертов, оба кандидата скорее напоминали поп-идолов, чем прагматических политиков прошлого, и их появление на вашингтонском Олимпе знаменовало собой начало постмодернистской эпохи в американской истории

ДВОЕ НА ДВОЕ

Многое, конечно, зависело от того, кто будет назван кандидатом в вице-президенты. В девятнадцатом веке был популярен анекдот о том, как у одного человека было два сына: один стал моряком, другой – вице-президентом, и больше отец ничего о них не слышал. В веке двадцатом под воздействием так называемого «нулевого фактора» (все президенты за исключением Рейгана, избранные в нулевом году, умерли до истечения срока своих полномочий) роль потенциальных преемников главы государства стала куда более значимой. Среди вице-президентов, наследовавших высшую государственную власть, были Гарри Трумэн, Джеральд Форд, Джордж Буш-старший. Если же говорить об администрации Буша, ни для кого не было секретом, что первую скрипку в ней играл вице-президент Дик Чейни. И потому неудивительно, что мировые СМИ с нескрываемым интересом следили за тем, кого выберут себе в напарники два основных кандидата на президентское кресло.

Первым с выбором определился Барак Обама. Многие советовали ему остановиться на кандидатуре Хиллари Клинтон, которая была его главным конкурентом на демократических праймериз. Утверждалось, что она сумеет привлечь своих сторонников, которые пока относились к Обаме прохладно. На праймериз Клинтон заручилась поддержкой 18 млн. человек. Причем, по данным одного из опросов, чуть ли не половина из них не собиралась голосовать за темнокожего кандидата, а каждый пятый был намерен отдать голос республиканцу Маккейну. Однако, несмотря на такую статистику, Обама не согласился на альянс с бывшей первой леди США и остановил свой выбор на председателе сенатского комитета по международным отношениям Джоне Байдене.

Эксперты утверждали, что опытный международник Байден нужен Обаме для того, чтобы прекратить разговоры о его некомпетентности в области внешней политики. Кроме того, убежденный католик и представитель старой гвардии демократов Байден должен был помочь Обаме перетянуть на свою сторону ту часть электората, с которой у него возникли наиболее серьезные проблемы в ходе праймериз – католиков и производственных рабочих, так называемых «синих воротничков». С другой стороны, выбрав в напарники сенатора, который с 1972 года заседает на Капитолийском холме, Обама нарушил свое обещание разорвать с политическим истеблишментом, управляющим страной из Вашингтона и не знающим «реальной Америки». Правда, в истории Демократической партии уже был похожий эпизод, когда на выборах 1976 года критик вашингтонской политической системы Джимми Картер заключил тактический альянс с одним из ее представителей – Вальтером Мондейлом.

Кроме того, демократы вынуждены были объяснять избирателям, почему Байден согласился на предложение Обамы, хотя до этого не раз заявлял, что сенатор от Иллинойса не готов руководить страной. (Избирательный штаб Маккейна тут же начал использовать эти высказывания в своей пропаганде). Вызывал сомнение и тот факт, что демократам удастся раскрутить образ специалиста-международника. Подход Байдена к внешней политике многим казался чересчур оригинальным. Например, выступая с критикой военной кампании в Ираке, он предлагал раздробить эту страну на три части по религиозно-общинному принципу.

Своего кандидата в вице-президенты Обама представил на съезде Демократической партии, проходившем в конце августа. И уже вместе они появились на футбольном стадионе в Денвере, где их встречала 80-тысячная толпа американцев, охваченных «обамаманией». Такого шоу Америка не видела с тех пор, как Джон Кеннеди объявил о согласии баллотироваться в президенты перед 100 тысячами своих сторонников на стадионе Memorial Coliseum в Лос-Анджелесе. Выступление Обамы было приурочено к 45-й годовщине эпохальной речи Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта». И кульминацией шоу стали слова Обамы, переключи-

кающиеся со знаменитой фразой Кинга. «Наши судьбы неразрывно связаны, – заявил он, – и наши мечты могли бы стать одной мечтой»²⁸.

Декорации, которые были выбраны командой Обамы, вызвали едкие замечания со стороны его оппонентов. Сцену с античными колоннами и портиками, которая должна была вызвать ассоциации с мемориалом Линкольна, республиканцы тут же окрестили «храмом Обамы» и предложили сенатору от Иллинойса облачиться в римскую тогу. «Божественный Обама, – писала консервативная «Нью-Йорк пост», – произнес свою речь, как и положено императору мира, в собственном храме, куда он спустился с небес, чтобы облагодетельствовать простых смертных и изменить американцев настолько, что их не узнали даже отцы-основатели республики»²⁹.

Поскольку дизайн сцены разрабатывали художники, оформлявшие последний концертный тур Бритни Спирс, а на разогреве у демократического кандидата выступили Стиви Уандер и Шерил Кроу, у республиканцев вновь появились основания говорить о том, что Обама страдает звездной болезнью. По их словам, образ поп-идола, который так нравится демократическому кандидату, не соответствует слогану его кампании «Он – один из нас». Однако советники Обамы утверждали, что довольны эффектом, который произвело его выступление, и не собираются воспринимать всерьез критику республиканцев. «Мы хотели подчеркнуть, что перемены в Америке начинаются снизу, а не сверху, – заявил один из сотрудников предвыборного штаба Обамы Дэвид Плафф. – Было бы неразумно отказываться от этой идеи лишь из опасений, что выступление на стадионе даст повод для критики. Ведь в массовом движении – сила нашей кампании»³⁰.

Казалось, что после выступления Обамы, которое завершилось красочными фейерверками, республиканцам не удастся перетянуть одеяло на себя. Однако уже на следующий день Маккейн привлек к себе внимание журналистов, избрав в напарники губернатора Аляски Сару Хит Пэйлин. Это решение стало абсолютной неожиданностью для экспертов, однако многие из них восприняли его как гениальный тактический ход. 44-летняя избранница Маккейна, занявшая когда-то второе место на конкурсе красоты «Мисс Аляска», считалась убежденной рыночницей и противницей однополых браков. Она водила самолет, рыбачила, охотилась и состояла в Национальной стрелковой ассоциации, защищающей право на ношение оружия. Пэйлин прославилась своей принципиальной позицией по вопросу об абортах: в апреле 2008 года она родила пятого ребенка, несмотря на то что анализы показывали, что он явится на свет с синдромом Дауна. Старший сын Пэйлин, 19-летний Трэк, через несколько месяцев после окончания президентской кампании должен был отправиться в Ирак. В общем, сложно было представить себе кандидата, который бы в большей степени отражал ожидания традиционалистской Америки.

Политологи полагали, что решение Маккейна обеспечит ему поддержку избирателей, сыгравших ключевую роль в обеих победах Буша, – религиозных фундаменталистов и евангелистов. «Они в полном восторге, – утверждал бывший председатель Христианской коалиции Ральф Рид, – просто невозможно себе представить, насколько это решение важно для консервативного христианского сообщества»³¹. Узнав о выборе Маккейна, доктор Джеймс Добсон, один из виднейших христианских деятелей Америки, который в прошлом относился к республиканскому кандидату скептически, полностью поменял свое мнение. «Похожие чувства я

²⁸ The New York Times. 2008. August. 28.

²⁹ The New York Post. 2008. August. 29.

³⁰ The Denver Post. 2008. August. 30.

³¹ CBN News. 2008. August. 31.

испытывал во время инаугурации Рональда Рейгана, – заявил он. – Это один из самых волнующих моментов в моей жизни»³².

Однако 1 сентября настроение консервативных избирателей омрачила одна деталь: выяснилось, что 17-летняя дочь Сары Пейлин беременна. Либералы не нашли бы в этом ничего предосудительного. Но для консерваторов-евангелистов подростковая беременность – это скандал, а секс вне брака – недопустимый грех.

Надеясь привлечь консервативную часть электората, Маккейн пошел на серьезный риск. «Теперь он, скорее всего, проиграет Обаме в борьбе за голоса центристов, – утверждал социолог Дуглас Шон. – Отвергнув кандидатуры Джо Либермана и бывшего губернатора Пенсильвании Тома Риджа, которые призывали к преодолению партийных разногласий, Маккейн упустил возможность расширить электоральную базу республиканцев за счет независимых избирателей»³³.

Конечно, теоретически решение Маккейна могло привлечь под его знамена часть сторонниц Хиллари Клинтон, недовольных тем, что Обама не пригласил ее к себе в вице-президенты. Пэйлин сразу попыталась разыграть феминистскую карту, заявив, что «американские женщины все-таки добьются своего и займут один из высших государственных постов». «Это словно глоток свежего воздуха, – провозгласила член консервативной группы «Женщины за Америку» Дженис Кроуз. – Пэйлин выражает ценности большинства американских женщин»³⁴. Однако, как отмечала советница Хиллари Клинтон, Катерина Маклин, «женщины не будут выбирать кандидата в президенты по половому признаку, и представительница слабого пола не может рассчитывать на их безоговорочную поддержку»³⁵.

Некоторые эксперты утверждали, что назначение Пэйлин лишает Маккейна его главного преимущества, которое заключалось в том, что в отличие от своего соперника он обладает колоссальным политическим опытом. «Первое правило при выборе напарника по президентской гонке – не навредить, – утверждал бывший советник вице-президента Ала Гора Майкл Фелдман. – Конечно, Пэйлин может привлечь женскую часть электората, разочарованную результатами демократических праймериз, и не отпугнет традиционных республиканских избирателей, однако выбор Маккейна противоречит центральному лозунгу его предвыборной кампании – «с первого дня готов руководить страной»³⁶.

Как рассказывал соперник Пэйлин на губернаторских выборах 2006 года Эндрю Халкро, «она не представила никакой политической программы, а сделала ставку на природное обаяние». «Речь тогда шла не о политике и не о проблемах Аляски, – утверждал он. – Все объяснялось обыкновенными человеческими симпатиями. Это очень напоминает феномен Обамы»³⁷. Судя по всему, для Маккейна, который понимал, что уступает демократическому кандидату в харизме, было необходимо найти молодого напарника, способного заразить общество своей энергией. Но губернатору Аляски это явно оказалось не по силам. Пейлин запомнилась всем лишь сомнительными остротами вроде той, что «домохозяйку от бультерьера отличает губная помада».

В целом, как отмечал президент Института Ближнего Востока Евгений Сатановский, кандидаты, которые вышли на финишную прямую, представляли собой типичные голливудские типажи: дедушка-ветеран Вьетнамской войны, агрессивная женщина из провинции, бла-

³² Citizen Link. 2008. August. 29

³³ Fox News. 2008. September. 6

³⁴ The Houston Chronicle. 2008. September. 3.

³⁵ The New York Times. 2008. September. 16.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid.

говоспитанный элитарный сенатор с Восточного побережья и, наконец, хорошо одетый молодой популист с правильным цветом кожи, как говорил позже Сильвио Берлускони, a bronze»³⁸.

³⁸ Интервью автора с президентом Института Ближнего Востока Евгением Сатановским. 2012. Май. 8.

«ЕДИНАЯ АМЕРИКА»?

В сентябре 2008 года буквально накануне выборов в Америке грянул финансовый кризис, и по мере его развития, кресло президента США становилось все более сомнительным призом. Как утверждал профессор Йельского университета Пол Кеннеди, «то, что Джон Маккейн и Барак Обама так мечтают попасть в усеянный осколками бывшего величия Белый дом, говорит либо об их изумительной отваге, либо о пугающем отсутствии у них всякого воображения»³⁹. Некоторые эксперты выдвинули даже версию, что вашингтонская элита просто «подставила» неугодных ей лидеров – «маверика» Маккейна и чернокожего Обаму, предоставив одному из них расхлебывать последствия кризиса.

Как бы то ни было, кризис уменьшал шансы правящей партии удержаться у власти. И хотя Маккейн пытался дистанцироваться от политики Буша, на теледебатах американцы неизменно отдавали предпочтение его сопернику. Любопытно, что даже на первых дебатах, которые планировалось посвятить выигрышной для республиканца теме национальной безопасности и внешней политики, в первую очередь обсуждались экономические вопросы. «Если вы хотите узнать экономическую программу республиканского кандидата, посмотрите в зеркало заднего вида»⁴⁰, – заявлял Обама, а его политтехнологи проинформировали американцев о связях Маккейна с финансовым магнатом Чарльзом Китингом, который был признан виновным в мошенничестве с ценными бумагами.

Американский историк Джон Батлер объявил, что по накалу страстей схватку Обамы и Маккейна можно сравнить разве что с выборами 1800 года, когда в Соединенных Штатах только формировалась политическая система. Жесткое противостояние 2008 года, по его словам, объяснялось ее распадом. «Ждет ли Америку крах, постоянное политическое напряжение, падет ли она, раздираемая противоречиями? Во многом это будет решаться сейчас»⁴¹, – утверждал Батлер.

Когда 4 ноября Обама одержал победу на выборах, заручившись поддержкой 365 выборщиков и 69 миллионов избирателей (за Маккейна отдали голоса 173 выборщика и 59 миллионов избирателей), у многих в Америке было ощущение, что все было предрешено заранее. Кампания демократического кандидата напоминала театрализованное представление, в котором главная роль досталась талантливому импровизатору. Каждое его выступление вызывало в стране новую волну обамамании. И хотя до начала кампании разделительные линии между синими (демократическими) и красными (республиканскими) штатами казались незыблемыми, Обаме удалось внести серьезные изменения в политическую карту Америки. Он одержал победу в Айове, Колорадо, Нью-Мексико, Вирджинии и Неваде – штатах, которые на выборах 2004 года поддержали Джорджа Буша. Он получил большинство голосов и в штате Индиана, который не голосовал за демократов со времен Линдона Джонсона. Кроме того, Обама перетянул на свою сторону колеблющиеся штаты, такие, как Огайо и Пенсильвания, в которых решающую роль играли голоса независимых избирателей. Как мы уже говорили, Маккейн поначалу также играл на центристском поле, однако после того как он выбрал консервативного губернатора Аляски Сару Пейлин кандидатом в вице-президенты, умеренные демократы и независимые избиратели от него отвернулись.

После победы на выборах Обама вновь заговорил о преодолении партийных противоречий: «Я обращаюсь к тем американцам, которые не поддержали мою кандидатуру на выборах: я буду и вашим президентом, – провозгласил он на митинге в Чикаго. – Как отмечал Авраам

³⁹ Kennedy Paul, The unintended consequences. //The New York Times. 2008. October. 7

⁴⁰ McCain-Obama debate transcript // Los Angeles Times. 2008. September. 26.

⁴¹ Интервью автора с профессором Йельского университета Джоном Батлером. 2008. Сентябрь. 15.

Линкольн в своем обращении к нации, которую в тот момент раздирали куда более серьезные противоречия, «мы не враги, а друзья. И хотя сейчас в стране бушуют страсти, они не разорвут связывающие нас нити»⁴².

Во многом победа Обамы стала возможна благодаря рекордной явке избирателей, которая составила 64 %. Для Америки это был абсолютно невероятный показатель, ведь до этого довольно долгое время явка не превышала и 50 %, и ключевую роль в выборе президента играло радикальное меньшинство консерваторов-евангелистов. По словам британского политолога Анатоля Ливена, «большинство американцев не ходили на выборы. В стране царила потрясающая политическая апатия. И это давало евангелистам, представляющим 10 % населения, чересчур большую власть в формировании американской повестки дня»⁴³.

Однако в 2008 году яркая предвыборная кампания демократического кандидата и финансовый кризис, разразившийся за полтора месяца до выборов, привели на избирательные участки тех, кто до этого никогда не голосовал. Обама охватила голливудские студии, университетские кампусы, черные кварталы и латинские гетто. «Я думаю, на наших глазах происходит формирование новой коалиции американских избирателей. Латиноамериканцы, афроамериканцы и молодежь выступили на этих выборах единым фронтом»⁴⁴, – утверждал гарвардский политолог Дэвид Герген. Обама стал настоящим идиолом молодой Америки. «Он нравится молодежи, – утверждал либеральный идеолог Майкл Уолцер, – поскольку является постмодернистским политиком, которому удалось сгладить расовые противоречия и, возможно, удастся преодолеть идеологические разногласия»⁴⁵. За демократического кандидата проголосовали около 70 % молодых избирателей.

После триумфа Обамы многие стали вспоминать излюбленный сценарий американских фантастических фильмов: Соединенные Штаты под властью темнокожего президента стоят на пороге апокалипсиса, будь то природная катастрофа, глобальный кризис или нашествие инопланетян. Эксперты до последнего момента сомневались, что победа темнокожего кандидата возможна в традиционалистской Америке, где на протяжении двух столетий президентами были лишь белые англосаксы протестантского вероисповедания. И хотя католику Джону Кеннеди однажды уже удалось завоевать Белый дом, сложно было поверить, что в этом преуспеет афроамериканец Обама. Мартин Лютер Кинг, о котором вспомнил вновь избранный президент в своей победной речи на митинге в Чикаго, не мог себе представить такого даже в самых смелых мечтах. Политологи утверждали, что, хотя Обама опережает своего соперника в опросах общественного мнения, против него играет так называемый фактор Брэдли. В 1982 году чернокожий мэр Лос-Анджелеса Том Брэдли проиграл губернаторские выборы в Калифорнии, хотя опросы сулили ему победу. С тех пор эксперты в своих расчетах старались учитывать тот факт, что определенная часть избирателей из соображений политкорректности боится признаться, что не будет голосовать за черного кандидата. В случае с Обамой фактор Брэдли не сработал прежде всего благодаря позиции сенатора от Иллинойса, который сознательно избегал темы расовых противоречий и старался предстать в роли общеамериканского кандидата. «Нет ни черной Америки, ни белой Америки, ни латиноамериканской Америки, ни азиатской Америки – есть Соединенные Штаты Америки»⁴⁶, – заявлял Обама. И, похоже, ему удалось убедить американцев в искренности своих слов. Согласно данным опроса, проведенного газетой Wall Street Journal и телеканалом NBC, 8 из 10 респондентов заявили, что на посту президента Обама не будет ставить интересы темнокожих выше интересов остальной Америки.

⁴² Chicago Tribune. 2008. November. 5.

⁴³ The International Herald Tribune. 2008. November. 17.

⁴⁴ USA Today. 2008. November. 19.

⁴⁵ The International Herald Tribune. 2008. November. 11.

⁴⁶ The New York Times. 2008. August. 3.

Будучи уверенным в поддержке афроамериканцев, демократический кандидат сосредоточился на борьбе за голоса белых избирателей. В какой-то степени белая Америка уже была подготовлена к тому, что Овальный кабинет может занять темнокожий политик, поскольку двух последних государственных секретарей-афроамериканцев – Колина Пауэлла и Кондолизу Райс – долгое время прочили в президенты. Однако на демократических праймериз Обаму поддерживали лишь белые интеллектуалы и представители среднего класса, а квалифицированные рабочие, так называемые синие воротнички, отказались отдать ему свои голоса. Поэтому так важно было заручиться поддержкой старой гвардии демократов, которая традиционно пользуется популярностью в американских профсоюзах. Незадолго до выборов Обама появился на митинге во Флориде в сопровождении кумира белых рабочих, бывшего президента США Билла Клинтона, и это, безусловно, принесло ему дополнительные очки. В итоге за сенатора от Иллинойса проголосовали около 40 % белых избирателей, чьи взгляды очень точно отражала характеристика, которую дал Обаме сенатор Джо Байден еще задолго до того, как стал его напарником по предвыборной борьбе: «Это первый конформистский афроамериканец, который может ясно выражать свои мысли, умный, чистый и приятный на вид парень»⁴⁷.

Обаме удалось создать образ реформатора, который, с одной стороны, призывал к радикальным переменам, а с другой – стремился обеспечить историческую преемственность. Неслучайно в своих речах он то и дело возвращался к наследию легендарных американцев. Его обращение к нации на митинге в Чикаго после победы на выборах перекликалось с двумя самыми известными выступлениями в истории Соединенных Штатов – геттингсбергской речью Авраама Линкольна и словами, произнесенными Мартином Лютером Кингом за день до своей гибели. Эти персонажи оказались в центре внимания и во время инаугурационных торжеств. Обама принес присягу на Библии Линкольна, а незадолго до инаугурации по его примеру проехал на поезде по маршруту Филадельфия – Вашингтон. Кингу был посвящен концерт «Мы едины», который состоялся 19 января 2009 года за день до принятия присяги.

Несмотря на экономический кризис, команда Обамы не захотела ударить в грязь лицом и завершила политическое шоу на бравурной ноте. По словам экспертов, на инаугурационные торжества было потрачено около \$150 млн. Для сравнения: инаугурация Буша в 2005 году обошлась в \$42 млн., а Билл Клинтон в 1993 году уложился всего в \$33 млн. На церемонии инаугурации присутствовали 2,5 млн. человек. Как отмечала британская газета The Times, «в США остался единственный быстрорастущий сектор экономики, в который вкачиваются колоссальные суммы денег, – это подготовка к инаугурации нового президента». Цены на номера в вашингтонских отелях достигли астрономических высот, а билеты на церемонию, которые вначале распространялись бесплатно, 19 января продавались на черном рынке за \$40 тыс. Не менее прибыльной оказалась продажа сувениров, связанных с инаугурацией: американцы скупали шарфы, футболки и брелки с изображением Обамы. Его атрибутика появилась даже на туалетной бумаге и сексуальных игрушках.

Конечно, американцы связывали с новым президентом большие ожидания. Согласно опросу, проведенному газетой The New York Times, 79 % из них с оптимизмом смотрели в будущее. И это несмотря на экономическую рецессию и две войны, которые развязала предыдущая администрация. Американцам вообще свойственно давать определенный карт-бланш новому хозяину Белого дома. Например, в 2000 году они полностью доверились Бушу-младшему, чья решительность и простота так выгодно отличали его от клинтоновской команды.

Эксперты гадали, как долго продлится медовый месяц в отношениях американцев с Обамой. Во многом это зависело от того, сможет ли он отказаться от роли поп-идола ради повседневной рутинной работы и удастся ли ему сгладить противоречия между республиканцами и демократами. Его знаменитое выступление на съезде Демократической партии 2004 года, в

⁴⁷ The Los Angeles Times. 2007. January. 17.

котором он призвал к межпартийному единству, понравилась тогда консервативным комментаторам. «Прекрасная речь, да не та партия», – писали они. «В течение восьми лет у власти находилась администрация, которая только углубляла политический раскол в Америке, – писал британский журнал *The Prospect*. – В итоге страна устала от схватки между кланами Бушей и Клинтон и идеологических сражений между евангелистами и секуляристами»⁴⁸. И многие надеялись, что Обама, который чтит традиции и с особым пиететом относится к истории США, сможет достучаться до республиканцев. Однако, как утверждал неоконсерватор Уильям Кристол, склонность нового президента к компромиссу сближает его со Стивеном Дугласом – кандидатом от Демократической партии на выборах 1860 года, который, в отличие от республиканца Линкольна, пытался примирить враждующие фракции накануне Гражданской войны.

У британцев призывы Обамы к межпартийному единству вызывали неприятные ассоциации с идеологией «третьего пути», предложенной Тони Блэром в 1997 году. «Я уже знаю, что ждет тебя в будущем, Америка, – заявлял автор *The Spectator* Джеймс Делинпол, – благодаря природному обаянию своего лидера левые либералы приберут страну к рукам. И однажды американцы проснутся в состоянии тяжелого похмелья и увидят, что их карманы пусты, их собственность растворилась в виртуальном мире, на улицах бесчинствуют преступники, а традиционные свободы стали игрушкой в руках бюрократии»⁴⁹.

Однако если в начале 2008 года Обама, действительно, находился под влиянием левых либералов, которые провозгласили его «темнокожим Кеннеди», придя к власти он начал заигрывать с консерваторами. «Новый президент выступает за межпартийное согласие, – заявил незадолго до инаугурации представитель Республиканской партии в Конгрессе Эрик Кантор. – И это не пустые слова»⁵⁰. За время переходного периода Обама успел встретиться со всеми ведущими республиканцами, а также включить в свою экономическую программу требование о снижении налогов.

Бывшие сторонники из левого крыла Демократической партии только разводили руками. Крайне символичной многим экспертам показалась встреча ныне живущих президентов США, на которой Обама предстал в синем республиканском галстуке. А когда за несколько дней до инаугурации он поужинал в компании ведущих неоконсерваторов в доме колумниста *The Washington Post* Джорджа Уилла, у левых радикалов исчезли последние сомнения. «Либерал Обама делит хлеб со своими недавними врагами – Уильямом Кристолом и Чарльзом Краутхаммером, – отмечала *The Los Angeles Times*. – Не означает ли это обращение в новую веру?»⁵¹ На следующий день после торжественного ужина с консерваторами словно в насмешку над своими левыми сторонниками Обама провел для них дежурную пресс-конференцию в офисе переходной администрации.

Еще одним ударом для левых либералов стало приглашение на инаугурацию преподобного Рика Уоррена, который проводил в Калифорнии кампанию в защиту так называемой восьмой поправки о запрещении однополых браков. Ньюгемпширский епископ-гей Джин Робинсон назвал этот шаг «пощечиной» организациям, которые борются за права сексуальных меньшинств. Однако либеральная газета *The Boston Globe* поддержала решение Обамы, объяснив его желанием нового президента «включить евангелистов в правительство национального единства». По словам преподобного Джима Уоллиса, «то, что молитву на инаугурации прочел Уоррен, неслучайно. Это очень в духе Обамы – попытаться привлечь на свою сторону консервативных христиан, которые были его основными критиками во время предвыборной кампании. Уоррен – настоятель огромной епископальной церкви, имеющей 22 тыс. прихожан,

⁴⁸ *The Prospect*. 2008. July. 14.

⁴⁹ *The Spectator*. 2008. November. 28.

⁵⁰ *Congressional Record*. 110th Congress (2007–2008).

⁵¹ *The Los Angeles Times*. 2009. January. 17.

который к тому же стал кумиром молодых евангелистов после выхода в свет бестселлера «Целеустремленная жизнь»⁵². Правда, стоит отметить, что Обама остался верен своим экуменическим принципам и пригласил на инаугурационные торжества епископа Робинсона, который, по его замыслу, должен был послужить противовесом Уоррену.

⁵² The Boston Globe. 2009. January. 22.

БОРЬБА С ВЕТРЯНЫМИ МЕЛЬНИЦАМИ

Известный политолог Фрэнсис Фукуяма, тот самый Фукуяма, который после крушения Советского Союза провозгласил «конец истории», пытался уверить американцев, что на смену эпохе Рейгана в США пришла эпоха Обамы. «Демократическая администрация Клинтона, – утверждал он, – в свое время не смогла осуществить переворот: она сохранила основные идеи рейганизма, лишь немного сдвинув политический курс влево. Обама же будет вынужден полностью поменять американское мировоззрение. И к этому его обязывает не только риторика перемен, но и такие объективные факторы, как финансовый кризис и изменение баланса сил на мировой арене»⁵³.

Для большинства экспертов было очевидно, что в результате кризиса, который угрожает гегемонии доллара и ставит под сомнение жизнеспособность американской экономической модели, Соединенным Штатам придется поумерить свои амбиции. И в этом смысле заслуживал внимания доклад Национального совета по разведке, приуроченный к приходу в Белый дом новой администрации. В 2004 году в аналогичном документе утверждалось, что США сохраняют свое доминирующее положение до 2020 года, в докладе 2008 года уже говорилось о многополярном мире, в котором не менее важную роль будут играть такие страны, как Китай, Россия, Индия, Бразилия и Иран.

Придя к власти в столь непростое для Америки время, Обама попытался обратиться к опыту своих предшественников, управлявших Соединенными Штатами в период кризиса. Прежде всего, речь идет об Аврааме Линкольне, который был президентом в эпоху Гражданской войны, и Франклине Рузвельте, находившемся у власти во время Великой депрессии. Эти лидеры использовали при формировании своей администрации похожий принцип: они создавали «команду соперников», в которую входили не простые исполнители, а яркие политики, отстаивающие разные точки зрения и всегда готовые вступить в противоборство. Президент возвышался над схваткой и принимал решения после ожесточенной дискуссии в кабинете министров. Еще в переходный период в интервью телекомпании CBS Обама заявил, что собирается взять эту модель на вооружение.

Вопрос был только в том, где найти подходящие кадры. Политическая сцена США, к сожалению, не изобиловала яркими фигурами, и выбор у нового президента был невелик. В теории он, конечно, мог рассуждать о «команде соперников», но за исключением умеренного республиканца, шефа Пентагона Роберта Гейтса, ему некого было противопоставить старой клинтоновской гвардии. И несмотря на то, что во время предвыборной кампании Обама позиционировал себя как критик вашингтонской политической элиты, при формировании администрации он, не мудрствуя лукаво, предложил ключевые посты партийным бонзам, связанным с четой Клинтонов. Главой администрации Белого дома он сделал бывшего советника Клинтона Рама Эмануэля, а министром юстиции – Эрика Холдера, который в предыдущей демократической администрации занимал пост заместителя генпрокурора. На важнейшую в период кризиса должность главы Минфина был назначен Тимоти Гейтнер, который при Клинтоне был заместителем министра финансов. Его бывший начальник Лоренс Саммерс в администрации Обамы стал главой Национального экономического совета. Грег Крейг, старинный друг Хиллари Клинтон, который представлял интересы ее супруга во время импичмента, занял пост советника Белого дома по юридическим вопросам. Ну и, наконец, сама Хиллари возглавила Государственный департамент. «К чему все наши усилия последних лет, – вопрошал один

⁵³ Francis Fukuyama. A New era. // The American Interest. 2008. November. 9.

из партийных активистов, участвовавших в движении Обамы за перемены, – если сейчас мы наблюдаем реставрацию Клинтонов?»⁵⁴

Конечно, призывая оставить в прошлом партийные противоречия, Обама имел в виду не только противостояние с республиканцами, но и соперничество в рядах Демократической партии, которое особенно ярко проявилось во время праймериз. После поражения на предварительных выборах Хиллари Клинтон стала агитировать избирателей в пользу своего бывшего соперника, и, возможно, это сыграло решающую роль в победе Обамы. Как известно, долг пла-тежом красен, но означало ли это, что курс на перемены должны проводить люди, вызывающие стойкие ассоциации с прошлой эпохой?

Существовала версия, что Обама – это политический проект клинтоновской элиты, разработанный на случай провала бывшей первой леди. Этот проект позволил демократам сохранять интригу на праймериз и приковывать к себе внимание прессы на протяжении всей предвыборной кампании. Когда стало очевидно, что Обама имеет больше шансов, чем Клинтон, в борьбе с республиканским кандидатом, его бросили на амбразуру, однако, по сути, это ничего не меняло. Так или иначе, к власти должны были вернуться представители клинтоновской гвардии, которые в экономике придерживались консервативно-центристских взглядов, а во внешней политике ратовали за проведение гуманитарных интервенций.

Левое крыло Демократической партии воспринимало поведение Обамы как предательство общих интересов. Во время праймериз советник темнокожего кандидата Саманта Пауэр назвала Хиллари Клинтон монстром. Конечно, после этого ей пришлось принести извинения и покинуть команду сенатора от Иллинойса, однако ее слова во многом отражали настроения, царившие в предвыборном штабе Обамы. Поэтому происходящая реставрация Клинтонов вызывала недоумение в лагере сторонников радикальных перемен. Как заявил один из активистов антивоенного движения Том Гайдн, «я не понимаю, что происходит. Это даже не сдвиг в сторону центра, это возврат в прошлое»⁵⁵. «Как назначение министров и советников, выступающих за продолжение войны, может быть оправдано их компетентностью и опытом?»⁵⁶ – вопрошал другой пацифист, Гленн Гринвальд. По словам *The Nation*, издания, которое считается библией левых радикалов, «ни один прогрессивно мыслящий политик не был даже упомянут во время формирования кабинета Обамы»⁵⁷.

Финансовый блок был отдан на откуп консервативным центристам. Саммерс и Гейтнер являлись протеже легендарного секретаря казначейства Роберта Рубина и сторонниками системы дерегулированного капитализма, которая, по словам самого Обамы, привела к финансовому коллапсу. В 1999 году именно Саммерс, занимавший тогда пост министра финансов, добился отмены закона Гласса – Стигалла, принятого администрацией Франклина Рузвельта для обеспечения контроля за банковской системой.

Эта мера предоставила неограниченную свободу действий инвестиционным и хедж-фондам, которые начали раздувать финансовые пузыри. Среди главных нововведений своей команды Саммерс и Гейтнер называли практику обмена долговых обязательств на акции и развитие рынка деривативов. Как известно, эти нововведения и спровоцировали катастрофу на Уолл-стрит. В тот момент, когда она разразилась, Гейтнер находился на ключевом посту президента Федерального резервного банка Нью-Йорка, и его антикризисная программа мало чем отличалась от проектов администрации Буша. Многие эксперты отмечали, что, поставив разгребать последствия кризиса его главных архитекторов, Обама загнал себя в тупик. Однако сам избранный президент США оправдывал свое решение тем, что в 1990-е годы политика

⁵⁴ *The Nation*. 2008. December. 10.

⁵⁵ *Ibidem*.

⁵⁶ *The New York Times*. 2008. December. 3.

⁵⁷ *The Nation*. 2008. December. 10.

Саммерса и Гейтнера привела к самому продолжительному экономическому росту в истории Америки, в результате которого было создано более 20 млн. рабочих мест, а доходы граждан достигли рекордной отметки. Но как писал по этому поводу журнал *The Economist*, «взяв в свою администрацию представителей команды Клинтона, Обама не сможет вернуть эпоху экономического роста и низкого уровня безработицы»⁵⁸. Еще одним аргументом Обамы в защиту бывших клинтоновских финансистов был их опыт в борьбе с финансовыми кризисами конца 1990-х – в Восточной Азии, России и Латинской Америке. Только в чем заключался этот опыт? Сторонники Вашингтонского консенсуса, они сыграли важнейшую роль в разработке пакета реформ шоковой терапии, введенного в разгар азиатского кризиса 1997 года в Южной Корее, Таиланде и Индонезии. «Если таким же способом они собираются бороться с нынешним кризисом, – говорили многие политологи, – можно забыть о «новом курсе» Обамы». Сложно было поверить также, что назначенные президентом чиновники согласятся на изменения в финансовой архитектуре мира. Ведь оба экономиста работали в международных финансовых институтах, Гейтнер – в МВФ, Саммерс – во Всемирном банке, и были заинтересованы в сохранении существующей системы.

Эксперты стали сомневаться и в возможности перемен во внешней политике. Все более иллюзорным представлялось обещание Обамы вывести войска из Ирака в течение 16 месяцев после прихода к власти. Не случайно, 27 ноября 2008 года иракский парламент согласился продлить срок пребывания американского воинского контингента еще на три года.

Назначения в состав «военного» кабинета доказывали, что Обама не хочет прослыть пораженцем. Республиканец Роберт Гейтс, который сохранил за собой пост министра обороны, всегда отвергал идею точного расписания вывода американских войск из Ирака, и, если бы Обама настаивал на выполнении своих предвыборных обещаний, убедить главу Пентагона остаться на своем посту было бы крайне сложно. Не менее показательным стало назначение на должность советника по национальной безопасности сторонника Маккейна генерала Джеймса Джонса, бывшего командующего силами НАТО. Хиллари Клинтон, которая возглавила Госдепартамент, также не обещала быстрого вывода войск с Ближнего Востока и на демократических праймериз не раз осуждала радикальную позицию Обамы.

Некоторые эксперты продолжали настаивать, что назначение Клинтон объяснялось желанием Обамы сформировать «команду соперников» и заручиться поддержкой демократов, голосовавших за нее на предварительных выборах. Хиллари сравнивали с госсекретарем рузвельтовской администрации Корделлом Халлом, который обладал большим влиянием в Демократической партии и поэтому получил свой пост, однако так и не сумел войти в ближний круг президента и постепенно превратился в маргинальную фигуру в кабинете министров. Вспоминали и о негласной традиции в политической жизни США, существующей еще со времен Джона Квинси Адамса и Генри Клея, согласно которой проигравший на предварительных выборах кандидат получал Госдепартамент в качестве утешительного приза.

«Трения между Госдепом и Белым домом являются лейтмотивом американской истории»⁵⁹, – утверждал профессор университета Северной Каролины Майкл Хант. Однако, колумнист *The New York Times* Томас Фриман придерживался противоположной точки зрения. «Успехи во внешней политике зависят от того, сложились ли отношения президента и госсекретаря, – писал он. – Примером для подражания должно быть сотрудничество Ричарда Никсона и Генри Киссинджера, а также Джорджа Буша-старшего и Джеймса Бейкера. Такое понимание не может возникнуть между недавними соперниками, которые принадлежат к разным поколениям и политическим традициям»⁶⁰. Тем не менее, эксперты были убеждены, что в

⁵⁸ *The Economist*. 2008. December. 16.

⁵⁹ *The New York Times*. 2008. November. 29.

⁶⁰ *Ibidem*.

новом кабинете не возникнут философские разногласия наподобие тех, что существовали в первой администрации Буша между «голубями» Колина Пауэлла и «ястребами» Дика Чейни.

В подходах Клинтон и Обамы к внешней политике, безусловно, были точки пересечения: оба они стремились улучшить репутацию Америки в мире и выступали за увеличение численности воинского контингента в Афганистане. Правда, Хиллари прославилась своими жесткими заявлениями по иранскому вопросу и вряд ли смогла бы представлять Америку на переговорах с Тегераном, к проведению которых призывал Обама. К тому же она занимала чересчур произраильскую позицию, что во многом объяснялось влиянием еврейского лобби в ее избирательном округе – штате Нью-Йорк.

Несмотря на то, что во время праймериз Обама заявлял, что внешнеполитический опыт Клинтон ограничивается фуршетами с иностранными послами, это, конечно, было не совсем так. Да, Хиллари всегда хотелось преувеличить свою роль во внешней политике, и в данном случае хрестоматийным примером стал ее рассказ об обстреле, которому она подверглась в Боснии, тут же опровергнутый всеми мировыми СМИ. Однако, будучи первой леди, она сумела выстроить отношения со многими мировыми лидерами. Клинтон принимала в Белом доме находившуюся в изгнании Беназир Бхутто, муж которой Асиф Зардари стал в 2008 году президентом Пакистана. В 1990-е годы Хиллари посетила 80 стран и запомнилась всем дипломатическим тактом и изяществом. Кроме того, она приобрела определенные внешнеполитические навыки в Сенате, где являлась членом комитета по вооруженным силам и занималась проблемами, связанными с военными действиями в Ираке и Афганистане. Ее избирательную кампанию поддерживали ведущие американские дипломаты из обеих партий, в том числе Генри Киссинджер и Ричард Холбрук. И ожидалось, что многие из них войдут в ее мини-кабинет в составе Госдепартамента.

С другой стороны, некоторые эксперты предупреждали, что Хиллари может не справиться со своими новыми обязанностями, поскольку не обладает управленческими талантами: она потерпела поражение на праймериз, хотя считалась абсолютным фаворитом, а в 1990-е годы полностью провалила реформу здравоохранения. Многие говорили о том, что у нее могут возникнуть проблемы с вице-президентом Джо Байденом, который возглавлял сенатский комитет по международным отношениям и являлся признанным специалистом в этой области, да и с президентом ей, скорее всего, не избежать разногласий. «Возможно, Обама еще пожалеет о своем решении назначить главой Госдепа такую независимую фигуру, – отмечал The Washington Post. – Внешняя политика – это та сфера, в которой новый президент мог бы проявить себя, и в высшей степени неразумно делить лавры с Хиллари и ее свитой»⁶¹.

⁶¹ The Washington Post. 2008. December. 15.

ПЕРВЫЕ ШАГИ: ЭПОХА КОМПРОМИССА

Каждая новая администрация в первую очередь отменяет порядки, введенные ее предшественниками из другой партии. И когда Барак Обама, считавшийся самым либеральным членом Сената, занял место консерватора Джорджа Буша, ни у кого не возникало сомнений, что в Америке произойдет демонтаж системы, созданной республиканцами. Советники Обамы начали готовиться к этому за несколько месяцев до ноябрьских выборов и даже составили приблизительный список бушевских эдиктов, которые новый президент сможет отменить одним росчерком пера. Тем не менее, как заявил в феврале 2009 года стратег Демократической партии Мэтт Бенент, оказавшись в Белом доме, люди Обамы «не повторяют ошибки Буша, сместившего все, на чем был отпечаток пальцев президента Клинтона. Они стараются выплеснуть воду, оставив в купели ребенка»⁶².

Центральным лозунгом своей предвыборной кампании Обама сделал обещание перемен и поэтому, придя к власти, не мог отказаться от символических жестов, вызывавших по всему миру новые приступы «обамамании». Таким жестом, безусловно, стал указ о закрытии спецтюрьмы в Гуантанамо, которая оказывала крайне негативное влияние на образ Америки в мире и ассоциировалась с пытками и произволом военных трибуналов. Правозащитники указывали, что в Гуантанамо представители американской армии одновременно выполняют функции тюремщиков, судей и присяжных, и рассуждали о несовместимости таких порядков с ценностями, закрепленными в Конституции США. Обама подхватил эти обвинения и в присутствии ему афористичной манере заявил, что Америка должна отвергнуть «ложный выбор между безопасностью граждан и их идеалами»⁶³.

Конечно, новому президенту хотелось предстать в роли канатоходца Тибула, разгромившего тюрьмы Трех Толстяков, но, в итоге, закрытие Гуантанамо оказалось популистским лозунгом, который невозможно реализовать на практике. «Решение закрыть лагерь для военнопленных на островной базе в Гуантанамо, – писал редактор журнала *The American Thinker* Рик Моран, – это продолжение политического шоу, которое началось в 2007 году. Обама пора уже понять, что предвыборная кампания закончилась и на смену популизму должен прийти прагматизм»⁶⁴. Очевидно, что демократическая администрация не знала, что делать с заключенными, которые находились в Гуантанамо, как их судить и можно ли надеяться, что, оказавшись на свободе, они не организуют новый теракт наподобие 11 сентября.

Тем более что, согласно отчетам спецслужб, по меньшей мере 60 из 500 освобожденных узников этой тюрьмы были вновь замешаны в антиамериканских террористических операциях. «Президент ставит чаяния толпы выше здравого смысла и жертвует безопасностью США в угоду весьма сомнительным символам, – отмечал член комитета Палаты представителей по разведке республиканец Петер Хокстра. – Это плохой знак для любой администрации, особенно когда верховный главнокомандующий так мало смыслит в вопросах национальной безопасности»⁶⁵. Даже некоторые правозащитники выступали против закрытия Гуантанамо на том основании, что бывших заключенных могут выслать на родину, где их судьба окажется намного плачевней, чем в Соединенных Штатах.

Желая избавиться от наследия предыдущей администрации, Обама объявил также о закрытии тайных тюрем ЦРУ за границей и издал указ о запрещении методов допроса, не зафиксированных в Полевом уставе армии США. Что касается тюрем, то, как и в случае с

⁶² Chicago Tribune. 2009. February. 17.

⁶³ <http://www.whitehouse.gov/>

⁶⁴ The American Thinker. 2009. March. 4.

⁶⁵ The Congressional Record 111 th Congress (2009–2010)

Гуантанамо, вставал вопрос о судьбе заключенных, а ограничение деятельности спецслужб могло отразиться на их эффективности. Консерваторы предупреждали, что «эдикт нового президента возродит в ЦРУ характерный для клинтоновской эпохи страх перед рискованными действиями, когда разведчики несколько раз видели Бен Ладена в перекрестии прицела, но боялись нажать на курок без санкции юрисконсульта». И как бы ни нравился Обаме образ президента-освободителя, такие настроения в спецслужбах он допустить не мог. Не случайно, подписав указы, которые вызвали ликование среди левых либералов, он тут же огорошил их постановлением о создании специальной комиссии, которая в очередной раз должна была определить, что следует считать недозволёнными методами допроса. «Новый президент, – писал консервативный колумнист Чарльз Краутхаммер, – не будет принимать решения на основе предвыборной риторики. В ближайшее время он пересмотрит отношение к наследию предыдущей администрации и найдет достоинства в концепции власти и безопасности, разработанной Диком Чейни»⁶⁶.

Для первых дней Обамы вообще были характерны половинчатые меры. Взять хотя бы указ, запрещающий принимать на работу в новую администрацию лоббистов, который был подписан с величайшей помпой сразу после инаугурации нового президента. Этот указ должен был символизировать разрыв с предыдущей эпохой, когда даже на посту вице-президента находился чиновник, продвигающий интересы нефтяной компании Halliburton. Правда, уже на следующий день Обама был вынужден нарушить собственное распоряжение, назначив на должность заместителя министра обороны Уильяма Линна, лоббиста компании Raytheon, и предложив высокий пост в министерстве здравоохранения представителю антитабачного лобби Уильяму Корру.

Подготовленный Обамой пакет экономических мер по выходу из кризиса также производил противоречивое впечатление. «40 % средств предполагается пустить на снижение налогов, и это раздражает демократов, а 60 % – на социальные нужды, и это не нравится республиканцам»⁶⁷, – отмечал вице-президент Джо Байден. После голосования в Палате представителей стало очевидно, что сгладить межпартийные противоречия новому президенту не удастся: ни один из республиканцев не поддержал проект Обамы, считая его слишком дорогим и неэффективным. И хотя демократическое большинство его одобрило, эксперты заговорили о первой политической неудаче президента. Ведь из \$825 млрд., которые планировалось потратить из бюджета, \$275 млрд. он отвел на налоговые льготы и был убежден, что это удовлетворит республиканцев. Однако ничто не могло примирить их с грандиозными расходами на социальные проекты, многие из которых были рассчитаны на долгосрочную перспективу. Консервативные обозреватели утверждали, что разработка альтернативных источников энергии, масштабное строительство дорог и компьютеризация системы здравоохранения – это отнюдь не первоочередные задачи в условиях экономического кризиса. Республиканцы были убеждены, что политика Обамы укладывается в формулу: «расточительство-налоги-долги». Но сторонники президента не воспринимали их критику всерьез. «Да, – говорили они, – новая демократическая администрация расточительна, но именно этого от нее и ждали американские избиратели. Ведь как только на горизонте замаячил кризис, стало очевидно, что страна стоит на пороге очередного периода социальной расточительности. При этом стоит отметить, что пакет мер по стимулированию экономики, предложенный Обамой, обойдется Соединенным Штатам не дороже милитаристских проектов команды Буша».

Либералы видели в проекте Обамы прелюдию к радикальным реформам в области здравоохранения, транспорта и энергетики. «Президент США может реализовать программу

⁶⁶ The New Republic. 2009. February. 6.

⁶⁷ <http://www.whitehouse.gov/>

«большого правительства» под предлогом неотложных мер по выходу из кризиса»⁶⁸, – писал журнал *The Economist*. Обама обещал запустить проект развития инфраструктуры страны, сравнимый с масштабным строительством автомагистралей при президенте Эйзенхауэре в 1950-х, начать капитальный ремонт школ и общественных зданий, выделить инвестиции на разработку новых технологий. Экономические советники президента утверждали, что в ближайшее время им удастся создать 4 млн. рабочих мест.

«В основе программы Обамы лежит стремление найти более справедливое и эффективное соотношение между государством и рынком, – писал в *The International Herald Tribune* известный публицист Тимоти Гартон Эш. – Новый президент энергично возрождает либеральные ценности. И когда-нибудь, наверное, уже в годы второго срока он вернет славное имя и самому понятию «либерализм»⁶⁹. В качестве доказательства либеральных устремлений Обамы эксперты приводили указ о снятии запрета на финансовую помощь феминистским негосударственным организациям, которые занимаются абортами за границей, и ряд мер, направленных на защиту окружающей среды. Представители левого крыла Демократической партии, в том числе бывший вице-президент Ал Гор, давно уже призывали к «зеленой революции», и Обама, намеревался ее возглавить.

Чтобы удовлетворить требования «зеленых», новый президент приостановил действие последних распоряжений Буша, позволявших бурение на континентальном шельфе, и пообещал в течение ближайших 10 лет выделить \$150 млрд. на разработку альтернативных источников энергии. Обама также призвал Федеральное агентство по защите окружающей среды пересмотреть решение, согласно которому администрациям штатов было запрещено ужесточать нормы выбросов выхлопных газов.

Однако становилось очевидно, что и в экологических вопросах президента может подвести типичная для него склонность к компромиссам. Чего стоил, например, эпизод с серыми волками. Незадолго до окончания срока президентских полномочий Буш принял решение об их изъятии из перечня особей, пользующихся защитой государства. Это решение вызвало бурю протестов со стороны защитников окружающей среды и восторги местных властей на западе страны, где на хищников жалуются скотоводы. Когда к власти пришел Обама он не отменил решение своего предшественника, а лишь отсрочил начало отстрела животных. Эта полумера, естественно, вызвала недовольство «зеленых».

⁶⁸ *The Economist*. 2009. February. 3.

⁶⁹ *The International Herald Tribune*. 2009. January. 31.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.